

Случайность свела Дánзo, ворчащего себе под нос, с Цунадé, которая только что подошла к двери, сопровождаемая Кушиной. Подросла как раз вовремя, чтобы услышать мерзкий голос Дánзo. Тот, не отличавшийся трусостью и не боявшийся Цунадé, глядя прямо в глаза, бросил: «Что, так поздно пожаловали? Или я не имею права сказать пару слов старшим? Уж не слепнут ли ваши глаза от сияния нашей власти?» Цунадé фыркнула: «Я, в общем-то, не воспринимаю ваши слова всерьез. ㄱ ▽ ㄴ» «Что ты сказала?!» — рявкнул Дánзo. «Что, старый козел! Хочешь драться? Выйдем, потренируемся!» — парировала Цунадé. «Хватит! Дánзo, прекрати!» — вмешался Сарáтоби Хирузén, видя, что ситуация выходит из-под контроля. Но Дánзo, разгневанный Цунадé, словно не слышал его. Глядя на Сарáтоби Хирузéна, он прошипел: «Хирузén, не балуй эту вонючку. Если не справишься сам, позволь мне разобраться с ней...» — и замолчал, не договорив. «Довольно! Дánзo, ты хочешь напасть на жителя своей деревни? Иди, подумай о своем поведении!» — прогремел Сарáтоби. Цунадé лишь презрительно фыркнула, едва сдерживая смех от лицемерия Сарáтоби. Она прекрасно знала, что Хирузén бессилен и слаб. Чтобы добиться чего-то, ему приходилось действовать грязными методами. Ради воздвижения памятника ему был нужен Дánзo, старый воришка, и по-настоящему наказывать его он не собирался. Поэтому слова Сарáтоби, обращенные к Дánзo, Цунадé воспринимала как пустой звук. Окончив разбор полетов с Дánзo, Сарáтоби обратился к Цунадé: «Цунадé, объяснись. Почему ты забрала ее?» «Забрала? Разве нужна причина, чтобы привести ее к своей семье? Не твое дело. И вообще, почему ты, чужак, вмешиваешься?» «Хватит, Цунадé! Хирузén — Хокагé, говори с ним уважительно!» — возмущенно зашипел Мэн Ён. «Верно, Мэн Ён. Цунадé, раз уж ты привела эту маленькую сюда, то отправляйся обратно», — добавил Кóхару. «А тебе какое дело? Не лезь, а то приблю!» — холодно бросила Цунадé, глядя на Кóхару и Мэн Ён. Тогда Сарáтоби, вознамерившись играть роль доброго дяди, снова влез: «Цунадé, как Хокагé деревни, я вправе знать все, что происходит в деревне. К тому же, кто эта девочка и зачем она оказалась в деревне, ты уже знаешь.» «А, да, конечно, я знаю! Но повторю еще раз: мне не нужно объяснять, почему я привела ее к своей семье. Мама признала ее своей внучкой, а я — своей сестрой. Я сказала, она моя семья, и все тут, проблемы?» Сарáтоби собирался начать спорить, но Цунадé бросила имя Узумаки Митó, и он проглотил остаток своих слов. «Раз уж леди Митó решила так, то я ничего не скажу. Леди Митó, вам есть что добавить?» «Во-первых, моя сестра пойдет в школу ниндзя», — выпалила Цунадé. «Конечно, я уже все устроил», — кивнул Сарáтоби. «Во-вторых, после окончания школы ее решение нужно уважать. Если она захочет стать ниндзя, вы не вправе отказать», — добавила Цунадé. «Нет, нельзя, она не должна становиться ниндзя», — встряла Кóхару. «Да, это слишком опасно, ей придется выезжать из деревни на задания. Этого не может быть, Хирузén, ты не можешь согласиться», — поддакнул Мэн Ён. «Нет, она должна быть моей подчиненной. Только так деревня может стать стабильной. Хирузén, оставь это мне. Я...» — Дánзo тоже бросился в жаркую полемику. Сарáтоби Хирузэн выдержал замечания Кóхару и Мэн Ён, но слова Дánзo вывели его из себя: «Замолчи, Дánзo! Я никогда не соглашусь на твое предложение...» — не успел он закончить фразу, как Цунадé резко высвободила из себя мощнейшую чакру, бурлящую, как морская волна. В тот же миг ее окутала устрашающая аура, заставляющая сердца биться чаще, словно вулкан перед извержением, ее необъятная сила давила на Дánзo, Кóхару и Мэн Ён, словно валун. Пол под ногами Цунадé, непривычный к столь колоссальному давлению, треснул, сеть мелких трещин стремительно разрасталась; стекло вокруг не выдержало и, с треском разбиваясь, рассыпалось на мелкие осколки; даже толстые стены над головой задрожали, и по ним одна за другой пробрались глубокие трещины, сквозь которые просыпалась пыль, как из прогнивших зубов. От такого ужасающего давления Кóхару, Дánзo и Мэн Ён не могли не напрячься, они мобилизовали свою чакру, чтобы отбиваться от этого напора. Но постепенно они осознали, что ситуация куда хуже, чем они предполагали: это давление было слишком мощным и пугающим, и они, собрав все свои силы, не могли ему противостоять! В этот критический момент у всех троих одновременно возникла одна и та же мысль: «Неужели...?» Да, именно тот человек — Сэндзю Хаширама! Им, когда-то, во время специальных

тренировок с Сэндзю Тобирамой, посчастливилось однажды ощутить это мощное, знакомое и в то же время непривычное давление. Тогдашний ужас и шок, до костей пронзившие их тела, до сих пор живы в памяти. А сейчас они снова почувствовали эту непередаваемую силу от Цунадэ! Что это означает? Неужели сила Цунадэ уже сопоставима с силой легендарного Бога Ниндзя Сэндзю Хаширамы?! Цунадэ не интересовало, о чем они думают. Глядя на троих, она произнесла: «Еще слово — и я вас убью!» «Хорошо, Цунадэ. Я извиняюсь за них, оставь их. Они действуют ради деревни. И что касается слов леди Мито, я безусловно, их выполню». Саратоби Хирузэн произнес эти слова, и Цунадэ сняла давление. Кушина смотрела на них, словно ее мозг растворился: «Сестра Цунадэ такая сильная? Неужели этот человек действительно Хокагэ? (o_o)» Кóхару и Ён дрожали от холода и не решались сказать ни слова. Дánзó, хотя и молчал, уже обрел в сердце жадность. Он думал: если бы у него была сила первого Хокагэ, он бы стал непобедимым, как Хаширама. Достаточно было бы обладать силой Хаширамы, чтобы убить и Цунадэ, и Хíрузэна. И если Митó умрет, он сможет заполучить чакру Девятихвостого. Тогда он станет непобедимым, и ни деревня, ни другие страны не смогут его победить. Но следующие слова Цунадэ разрушили его планы. «Хорошо. Третье: я буду заботиться о своей сестре впредь, и в будущем позволю ей полностью освоить Девятихвостого, сделаю ее совершенным Джинтjурики». Полноценно освоить Девятихвостого? Совершенный Джинтjурики?! Услышав эти два неизвестных слова, Саратоби Хирузэн вскочил, не в силах усидеть на месте. Он посмотрел на Цунадэ и спросил: «Ты ... серьезно? Разве это не опасно?» «А, я не шучу. И даже если возникнет опасность, не волнуйтесь, я буду рядом». «Да, хорошо», — кивнул Саратоби. «Нет, Хíрузэн. Ты не можешь согласиться! Она же даже не ниндзя, что она может? Ты...» — Дánзó снова полез со своим мнением. «Хм?... (□□□o□)» — Цунадэ холодно взглянула на него. «Э... я просто шутил», — испуганно ответил Дánзó. Под угрозой физической расправы Дánзó проглотил свои слова. Но, хотя он и сказал, что шутил, его правая рука сжалась в кулак, и можно было представить, насколько он злился. Цунадэ не заботило, что думает этот тип. Она посмотрела на Хíрузэна и заявила: «Именно так. Все.» «Как и положено владычице Митó, как можно скорее выполню все, что она сказала. Завтра же ребенка отправят в школу. Цунадэ, я поручаю тебе эту девочку». Увидев, что Саратоби согласен, Цунадэ похлопала Кушинj по плечу левой рукой, открыла портал и в мгновение ока вернулась домой. В тот же миг Дánзó, глядя, как Цунадэ уходит, поспешил обратиться к Саратоби: «Хíрузэн, как ты мог согласиться с этой девчонкой? Как она может управлять Девятихвостым? Давайте отправим ребенка в Корень. Корень — лучший выбор для нее». «Довольно! Хватит позориться! Все решено. Дánзó, не забывай, что я — Хокагэ». «Хíрузэн, ты пожалеешь об этом!*(□Dish□)/#" — Дánзó угрожал Саратоби.